

ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ НАЧАЛА XVII века

В. И. Корецкий

Развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссия по поводу крестьянской войны в России начала XVII в. весьма своевременна. Крестьянская война, подготовленная всем ходом социально-экономического развития России на протяжении XVI столетия, представляет важный этап в истории нашей страны. За последнее время советская историческая литература обогатилась рядом ценных исследований, посвященных рассмотрению бурных и сложных событий начала XVII века. Среди этих работ большое значение имеет капитальный труд И. И. Смирнова¹.

Однако некоторые проблемы крестьянской войны начала XVII в. еще требуют дальнейшего изучения. Поэтому следует приветствовать в статье А. А. Зимина новую постановку вопросов о хронологии крестьянской войны, ее движущих силах, историческом значении и др. Теперь, когда круг проблем, подлежащих обсуждению, в основном определен, необходимо, чтобы на страницах журнала появились обобщающие статьи, решающие поставленные вопросы на конкретном материале с позиций марксистско-ленинского учения о крестьянских войнах. Только в таком случае дискуссия может быть плодотворной и способствовать решению одного из важнейших вопросов истории народов СССР феодального периода.

В дискуссии были высказаны различные точки зрения о восстании Хлопка. Являлось ли оно началом крестьянской войны или было лишь «предвестником» ее наступления в будущем? Первую точку зрения отстаивает А. А. Зимин². Взгляд на движение Хлопка как на начало крестьянской войны был впервые сформулирован Б. Д. Грековым еще в 1934 году³. В дальнейшем к такому же выводу пришли Е. Н. Кушева, П. П. Смирнов, В. Д. Королюк⁴. Второй точки зрения придерживается И. И. Смирнов, характеризующий это движение как «наиболее грозный предвестник восстания Болотникова»⁵.

В. В. Мавродин, В. Н. Бернадский, И. С. Шепелев, выступавшие по

¹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607. М. 1951 (изд. 1-е. Л., 1949); И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск. 1957; Н. П. Д о л и н и н. Подмосковные подки (казачьие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков. 1958.

² А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века. «Вопросы истории», 1958, № 3, стр. 98.

³ Б. Д. Греков писал, что видит в движении Хлопка не обычные «разбои», а «начало гражданской войны» (Б. Д. Греков. Очерки по истории феодализма в России. «Известия ГАИМК». Вып. 72. 1934, стр. 142).

⁴ Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — начале XVII века. «Исторические записки». Т. 15. 1945, стр. 92; П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1. М.-Л. 1947, стр. 368; «История Москвы». Т. 1. М. 1952, стр. 289; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.». М. 1955, стр. 492.

⁵ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 83; его же. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII века. «Вопросы истории». 1958, № 12, стр. 116—117.

докладу И. И. Смирнова на заседании группы истории СССР Ленинградского отделения Института истории АН СССР, не считают восстание Хлопка началом крестьянской войны⁶.

Решение вопроса о восстании Хлопка представляет большой теоретический интерес. Оно невозможно без творческого применения марксистско-ленинского учения о крестьянских войнах в период феодализма. При разработке проблемы надо исходить из основных положений труда Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», конечно, учитывая при этом своеобразие обстановки в России начала XVII века. Необходимо тщательное исследование движущих сил восстания, его целей, времени возникновения и этапов развития, района распространения с тем, чтобы выявить как общие, так и специфические его черты не только по сравнению с восстанием Болотникова, но и с предшествующей классовой борьбой в конце XVI столетия. Трудность исследования заключается прежде всего в крайней малочисленности сохранившихся источников. Поэтому источниковедческие вопросы приобретают особое значение.

Между тем А. А. Зимин и И. И. Смирнов с точки зрения документальных данных недостаточно обосновывают свои взгляды на движение Хлопка. В их статьях отсутствуют какие-либо новые материалы о нем. В результате общая картина восстания Хлопка остается во многом еще неясной. В дальнейшем мы постараемся показать, что возможность ввода в научный оборот новых архивных материалов по истории классовой борьбы в России конца XVI — начала XVII в., так же как и более глубокая интерпретация уже имеющихся документов, далеко еще не исчерпана. Расширение источниковедческой базы исследования поможет конкретизировать наши представления о восстании Хлопка. Без этого, конечно, нельзя дать его общую оценку. В отличие от А. А. Зимины и И. И. Смирнова в данной статье мы рассмотрим историю восстания Хлопка на фоне широкого антифеодального движения крестьян и холопов, охватившего страну в голодные 1601—1603 гг. и проявившегося в самых разнообразных формах.

Усиление феодального гнета и законодательство 80—90-х годов XVI столетия, оформившее в общегосударственном масштабе крепостное право в России, вызвали протест в среде крестьян и холопов. Источники сообщают о многочисленных действиях «разбойников» (так в документах часто назывались восставшие крестьяне и холопы), которые нападали на поместья и вотчины, забирали документы, удостоверявшие владельческие «права» на землю и крестьян, убивали феодалов. Например, мы находим сообщения об убийстве ряда новгородских помещиков либо в их собственных поместьях, либо на дорогах, ведущих из Новгорода в Москву⁷. В некоторых случаях дело доходило до настоящих боев с «разбойниками». Так, ямской стройщик расположенного на московской дороге Выдропуского яма Герасим Ушаков 7 октября 1585 г. сообщал о вооруженном столкновении с «разбойниками», которые, разгромив поместье сына боярского Терентия Сукина, напали на ямского стройщика и забрали у него собранные для посольских гонцов подводы. В присланной от новгородских воевод грамоте совершенно определенно говорилось об этих «разбойниках» как о крестьянах и холопах⁸. Разгром поместья Терентия Сукина был далеко не единичным явлением. Помещик Деревской пятины Дружина Языков в 1596 г. писал в своем челобитье, что «на старое его поместье... ввозную грамоту с его животы разбойники взяли». Перепис-

⁶ «Вопросы истории», 1958, № 12, стр. 205—207.

⁷ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Новгородская приказная изба, кн. № 974, л. 230; стб. № 42 744, дело из 4 лл., л. 4; стб. № 42 737, ч. 1, л. 1; стб. № 42 736, ч. 2, дело из 6 лл., л. 2.

⁸ Русская историческая библиотека (РИБ). Т. XXII. СПб, 1908, стб. 155, 158.

ная книга Новгородского судного приказа 1593—1600 гг. содержит указание на «дело розбойное розбойников Офонаско Дуракова да Тимошки Олгина во княж Матфееве Мещерского в деревенском разбое». О широких размерах, которые приняли в 90-х годах XVI столетия в районе Новгорода «деревенские разбои», свидетельствует хранившийся в Новгородской приказной избе «столп 102 году, а в нем сыски всех пятин от губных старост про воров и про розбойников»⁹.

Действия «разбойников» в конце XVI в. не ограничивались Новгородским уездом, они охватывали различные районы Русского государства. В 1586 г. в Троице-Сергиевом монастыре был похоронен меньшикий Юрьев сын Румянцев, убитый в Козельске «разбойниками». Во ввозной грамоте от 30 июня 1588 г. Григорью Баскакову да д. Молохово в Переславль-Залесском уезде указывалось на то, что «в нынешнем 96-м году Субботу Баскакова (отца Г. Баскакова.— В. К.) убили разбойники». Та же участь постигла в 1593 г. арзамасского помещика Михаила Хмелевского, возившего в Арзамас черновики отдельных книг. В конце XVI в. власти галичского Паисиева и московского Чудова монастырей просили царя Федора Ивановича выдать им новые жалованные грамоты взамен прежних, отобранных у них «разбойниками»¹⁰.

Частые нападения «разбойников» заставляли феодалов принимать меры предосторожности. Ряд записей в приходо-расходных книгах Болдино-Дорогобужского монастыря за 80-е годы XVI столетия посвящен вооружению и снабжению монастырских стрельцов и покупке оружия в монастырские села «для бережения от лихих людей»¹¹.

Мы ни в коей мере не склонны считать каждый «разбой» проявлением классовой борьбы, а в каждом «разбойнике» видеть выразителя крестьянских интересов. Разгромы богатых боярских вотчин в XVI в., особенно в период опричнины, зачастую производились мелкими дворянами. Однако в своей массе «разбои» 80—90-х годов XVI столетия как по составу участников, так и по своим целям имели антифеодальную направленность. Она становится еще более ясной, если рассматривать «разбои» в связи с другими формами классовой борьбы.

В конце XVI в. большой остроты достигает борьба за землю. Крестьяне не только успешно отстаивают свои земли от посягательств господ, но и сами активно вторгаются во владения феодалов. В этом отношении весьма показательны челобитые патриаршего сына боярского Василья Скобелева, на которое впервые обратил внимание И. И. Смирнов. Из этого челобитья мы узнаем, что Василий Скобелев под угрозой сгона с поместья вынужден был идти крестьянам на уступки и сдавать «в наем» часть земли. Борьба со стороны крестьян носила наступательный характер. Они уничтожали знаки феодальной собственности, перепахивали межи и заявляли, что не успокоятся до тех пор, пока окончательно не заведут патриаршей землей¹².

Участились случаи открытого неповиновения крестьян распоряжениям представителей государственной администрации. Возвращение беглых, сбор налогов, подводные повинности — все это служило поводом для столкновений. Так, в Рославльском уезде в 1588 г. отказались явиться

⁹ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стб. № 42757, ч. 1, дело из 16 лл., л. 1; «Акты, относящиеся до юридического быта древней России». Т. II. СПб. 1864, стб. 177; Д. Я. Самоковсов. Архивный материал. Т. 1, отд. 1. СПб. 1905, стр. 46.

¹⁰ «Список погребенных в Троице-Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 года». М. 1880, стр. 72; ЦГАДА, ф. Грамот коллегии экономии, Переславль-Залесский уезд, № 9014; Галичский уезд, № 3385; С. Б. Веселовский. Арзамасские помещные акты (1578—1618 гг.). М. 1915, стр. 638; Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (ГБЛ). Собрание Беляева. Акты, № 200.

¹¹ РИБ, Т. XXXVII, стб. 39, 41, 75—76, 79.

¹² И. И. Смирнов. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6.

«для ответа» в Москву в приказ Большого дворца беглые крестьяне, убившие своего помещика и сжегшие его поместье. В 80-х годах отказы от поставки подвод вылились в Новгородском уезде в стихийное возмущение, охватившее население нескольких пятин. В 1594 г. по челобитью губного старосты Ивана Поскочина возникло судебное дело на крестьян новгородского помещика Н. Осинина, которые ранили сопровождавшего губного старосту подьячего Посника Подолова «и понятых и подвод им не дали и с ними для государева дела не поехали»¹³.

Широко известны в историографии волнения 1594—1595 гг. в Иосифо-Волоколамском монастыре. Тогда крестьяне перестали выполнять монастырские повинности, вторгались в заповедные леса и убивали монастырских слуг. Прибывшая из Москвы в монастырь специальная комиссия в составе А. Измайлова и К. Петрова временно приостановила разбитие движения. Однако с ее отъездом волнения вспыхнули с новой силой. Монастырские власти, убедившись в невозможности подавить движение лишь путем насилия, должны были пойти крестьянам на уступки, отказавшись от взимания высоких процентов по принудительному кредитованию «на животинный приклад», от произвольной «переоброчки» крестьян и т. п.¹⁴. В 90-х годах XVI в. происходили волнения крестьян также и в вотчине Антониево-Сийского монастыря.

В 1591 г. в Москве был раскрыт заговор холопов, обвинявшихся в том, что они хотели поджечь столицу в момент осады ее Казы-Гиреем. Было схвачено около 70 человек, которые понесли суровое наказание¹⁵. Большое брожение охватило в 1591—1592 гг. крестьянство юго-западных окраин Русского государства. Здесь «многие простые люди» обвиняли Бориса Годунова в том, что он привел к Москве крымского хана Казы-Гирея, боясь ответить за убийство царевича Дмитрия. По всей «украине» был организован массовый сыск, сопровождавшийся пытками и жестокими наказаниями: «И много множества людей с пыток помроша, а иных казняху и языки резаху, а иных по темницам умираху, и оттого многие места запустеша»¹⁶.

Отмечая несомненное обострение классовой борьбы в России в конце XVI столетия, необходимо иметь в виду разрозненность и распыленность выступлений крестьян и холопов. Они носили ярко выраженный местный характер, направлялись не против феодального господства в целом, а против отдельных господ, представителей государственной администрации, монастырей и их злоупотреблений. Правительство контролировало положение в стране и душило в зародыше все проявления протеста. Вспышки народного недовольства в конце XVI в. не обладали ни достаточной силой, ни необходимой массовостью, чтобы разрастись в большой пожар и выйти за границы феодальных владений или отдельных уездов. Поэтому они не представляли непосредственной угрозы для феодального строя в России в целом. Однако в своей совокупности они предвещали такую опасность в будущем.

Став царем, Борис Годунов попытался разрядить напряженную обстановку. В 1598 г. им была проведена амнистия и сложены недоимки по государственным налогам, предоставлены льготы служилым и посадским людям; к этому же времени относится попытка регламентировать

¹³ «Масловский архив». «Чтения ОИДР», 1916, кн. 2, стр. 26; РИБ. Т. XXII, стб. 224—226; ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стб. № 43278, л. 156.

¹⁴ Подробнее об этом см. в нашей статье «Борьба крестьян с монастырями в России XVI — начала XVII вв.». «Вопросы истории религии и атеизма», 1958, № 6.

¹⁵ И. М. Ас. а. Краткое извещеие о Московии в начале XVII в. М. 1937, стр. 39.

¹⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIV, ч. 1. СПб. 1910, стр. 44. В 1591 г. на Украине началось первое широкое крестьянско-казацкое восстание, охватившее Волынь, Киевщину и Подолию. «Історія Української РСР». Т. I. Киев. 1955, стр. 183.

крестьянские повинности в пользу господ, о которой сообщает М. Шиль в своем донесении к германскому императору Рудольфу II¹⁷.

Стремясь завоевать популярность в народе, Борис Годунов не скупился на демагогические жесты. По свидетельству Авраамия Палицына, во время венчания на царство он, призывая бога в свидетели, обещал, что «никто же убо будет в моем царствии нищ или беден». «И треса верх пращицы на себе», царь заявил во всеуслышание о своей готовности поделиться со всеми последней рубашкой. Эта политика социальной демагогии имела временный успех. В первые два года царствования Бориса Годунова наблюдалось кажущееся затишье в классовой борьбе. А. Палицын, сурово осуждавший Бориса Годунова за чрезмерные и невыполнимые обещания, должен был признать, что на некоторое время ему удалось добиться спокойствия: «Двоелетнему же времени пришедшу, и всеми благиими Россия цветяше»¹⁸. В том же духе высказывается и другой современник: «Бысть при царе Борисе тихо и безмятежно два лета»¹⁹.

Для того, чтобы вывести крестьян из традиционной жизненной колеи и заставить взяться за оружие, нужны были совершенно исключительные события. Таким толчком, приведшим в движение крестьян и холопов в России в начале XVII в., послужил страшный голод. Он начался осенью 1601 г., а в последующие два года принял невиданные размеры. Погибли многие тысячи людей. По словам современника, «мертвых по улицам и дорогам собаки не проедали». В одной Москве, по официальным данным («счисляюще по повелению цареву»), за два года и четыре месяца было погребено на трех кладбищах 127 тыс. человек²⁰. Современный наблюдатель, пытаясь оценить общие потери от голода 1601—1603 гг. в масштабе всей страны, приходил к неутешительному выводу, что тогда «вымерла треть царства Московского голодною смертию»²¹.

Голод 1601—1603 гг. был вызван стихийными бедствиями (проливные дожди, ранние заморозки), но его течение сильно осложнили социальные причины. Масса людей погибла «голодною смертию», между тем в стране были значительные хлебные запасы. Однако светские и духовные феодалы, купцы и зажиточные крестьяне скрывали огромные запасы хлеба, стремясь повысить цены. В стране процветала спекуляция. В голодные годы происходило дальнейшее усиление феодального гнета. Монастырские архивы позволяют проследить те глубинные процессы, которые происходили тогда в феодальном хозяйстве. В архиве музея московского Новодевичьего монастыря сохранился интересный материал о переводе крестьян с денежного оброка на барщину и платежи натурой²².

Возрождение в условиях голода более примитивных форм эксплуатации явилось той основой, на которой происходил рост крестьянского закрепощения. Светские феодалы усиливали «похолопление» свободных людей и крестьян, монастыри набрасывали на шею крестьян долговую петлю. Достаточно сказать, что в казне Иосифо-Волоколамского монастыря осенью 1601 г. хранилось 548 долговых кабал и памятей на общую сумму

¹⁷ ЦГАДА, ф. Новгородская приказная изба, стб. № 43 283, л. 95; «Дополнения к актам историческим». Т. 1. СПб. 1846. стр. 249—250; Н. Н. Оглоблин. Обзорные столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768). Ч. IV. М. 1901, стр. 126—127; «Чтения ОИДР», 1875, кн. 2, отд. IV, стр. 17.

¹⁸ «Сказание Авраамия Палицына». М.-Л. 1955, стр. 104.

¹⁹ Отдел рукописей Государственного исторического музея (ГИМ). Собрание синодальное, № 964; ЦГАДА, ф. Оболенского, л. 44, л. 21 об.

²⁰ ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, прих.-расх. кн. № 12, л. 135; «Сказание Авраамия Палицына», стр. 106. «*Regum Rossicarum Scriptorum Exteri*». Т. 1. СПб. 1851, стр. 23.

²¹ ГБЛ. Собрание Лукашевича № 86, л. 373. Рукопись описана Я. Н. Шаповым. «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина». Вып. 19. М. 1957, стр. 24.

²² Архив музея Новодевичьего монастыря, приходная книга 1603—1604 гг., лл. 71—71 об., 74 об., 75, 143 об.—144.

в 1431 рубль²³. Феодалный гнет, беззащитная спекуляция хлебом со стороны светских и духовных господ, их постоянное стремление к закрепощению крестьян — все это губительно сказалось на состоянии крестьянского хозяйства. Поэтому наиболее ужасные опустошения произвел голод в районах, где крепостничество достигло к началу XVII в. наибольшего развития (центр, запад, северо-запад, юго-восток). Голодавшие крестьяне целыми деревнями покидали насиженные места и отправлялись на поиски хлеба. Осенью 1602 г. приказчик царской вотчины в селе Кушалине Ф. Шишмарев спрашивал у Бориса Годунова, как следует поступать с крестьянами, которые пришли в село «и стали по улицам з женами и детьми голодом и с ознобы умирати»²⁴. Положение усугублялось тем обстоятельством, что феодалы, чтобы не расходовать хлеба, распускали свои дворы. При этом они не давали прогнанным холопам отпускных, обрекая их на голодную смерть. Измученным голодовкой людям не оставалось ничего другого, как либо бежать на юг, где голод не достиг такой степени (как, например, в центральных уездах), или добывать хлеб, пуская в ход насилие.

В стране с осени 1601 г. возникло в народе «волнение велие», о котором писали составители уложения 9 марта 1607 года. Уже в начале сентября 1601 г. в Москву поступили крестьянские челобитные с просьбами о сложении государственных налогов «ради нынешнего хлебного недорода». Ямские охотники Пчевского яма били челом на Москве осенью 1601 г. по поводу того, что «у них же рожь не родилась, а яровой хлеб вызяб, и им де самим до нови прожити и лошадей кормити и ярового хлеба сеяти нечим». «Молотчие» посадские люди и «нужные» пашенные крестьяне Соль-Вычегодского уезда в своем челобитье, изложение которого приведено в царской грамоте от 3 ноября 1601 г., называли спекуляцию хлебом «воровством»²⁵. В ряде мест городские низы и крестьяне поднимались на активную борьбу со спекулянтами хлебом. П. Петрей писал, что бедняки отнимали хлеб у продавцов, а их самих подчас убивали. По словам И. Массы, в Москву «привозить хлеб на рынок надо было тайком, чтобы его не отняли силой»²⁶.

О том, насколько обострилось положение летом и осенью 1601 г. на южных окраинах Русского государства, свидетельствует запись в разрядах о посылке 5 сентября 1601 г. Борисом Годуновым из Москвы в район Тулы дворян Григория Игнатьевича Вельяминова и Никиты Михайловича Пушкина. Согласно царскому наказу, эти дворяне во главе отрядов из детей боярских должны были произвести обыски и расправы²⁷. Очевидно, карательными действиями правительственных войск был вызван побег в 1601 г. из «украинных» городов в Крым «ведомого вора и разбойника» Казаринка Уварова, приговоренного к смертной казни. В мае 1602 г. русское правительство требовало его выдачи у крымского хана, чтобы передать находившимся в Крыму русским послам князю Григорию Волконскому и Михаилу Огаркову²⁸. В Казаринке Уварове правительство Бори-

²³ ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, прих.-расх. кн. № 12, л. 2.

²⁴ Там же, ф. Приказные дела старых лет, 1599 г., д. 1, л. 10. Материалы эти выявлены и подготовлены к печати Р. В. Овчинниковым, которому приношу благодарность за предоставленную возможность использовать их в настоящей статье.

²⁵ М. Т. Курдюмов. Описание актов, хранящихся в архиве Археографической комиссии. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 г.» (ЛЗАК). Вып. 31. Пг. 1923, стр. 175; РИБ. Т. XXII, стр. 753—757; М. И. Семевский. Историко-юридические акты XVI и XVII вв. ЛЗАК. Вып. IX. СПб. 1893, стр. 55—57.

²⁶ Петр Петрей де Ерлезунд. История о великом княжестве Московском. М. 1867, стр. 192; И. М а с с а. Указ. соч., стр. 59.

²⁷ ГБЛ. Собрание Горского № 16, л. 589. Дата «5 сентября» приводится и в других списках рукописных разрядных книг (ЦГАДА, ф. Оболенского, д. 86, л. 269 об.; ГИМ. Собрание Шуккина № 496, л. 1127), что заставляет отвергнуть датировку Валуевской разрядной книги, где посылка дворян в Тулу отнесена к 10 сентября («Симбирский сборник». Т. I. М. 1844, стр. 145).

²⁸ ЦГАДА, ф. Крымские дела, 1601 г., д. 2, лл. 156—157.

са Годунова видело опасного государственного преступника, предложив в случае отказа крымского хана удовлетворить это требование казнить его в присутствии князя Григория Волконского.

Брожение на южных окраинах летом и осенью 1601 г. было весьма тревожным симптомом. К числу правительственных мер, направленных на борьбу с «разбойниками», следует отнести издание в 1601 г. нового уложения «по разбойным и татевным делам». Оно предусматривало льготы для средних и мелких помещиков в выплате государственных налогов по строительству тюрем, содержанию тюремной администрации и т. п. Борис Годунов считал неразумным собирать эти налоги с помещиков в момент, когда из их числа формировались отряды, предназначенные для посылки против «разбойников». В интересах мелких и средних помещиков, являвшихся социальной опорой правительства Бориса Годунова, был издан также закон 1601 г. о вывозе крестьян. Вступление же к этому закону было сформулировано таким образом, чтобы успокоить волновавшихся крестьян и создать у них впечатление о возвращении им права выхода, отнятого в общегосударственном масштабе в 1592—1593 годах²⁹. Целям успокоения народных масс призван был служить и указ от 3 ноября 1601 г. о хлебных ценах и борьбе со скупщиками, в котором правительство стремилось выдать себя за защитника общественных интересов. Однако социальные противоречия в условиях голода обострились настолько, что ни карательные экспедиции, ни демагогические законы, изданные спешно осенью 1601 г., не могли задержать развития в стране классовой борьбы.

В 1602—1603 гг. антифеодальное движение в России приняло массовый характер. В апреле — мае 1602 г. произошли волнения среди новгородских ямских охотников, охватившие две ямские слободы и ямы, расположенные на ивангородской и московской дорогах. Ямские охотники отказались выполнять свои обязанности по ямской гоньбе и разбежались по окрестным лесам. Охотники получали поддержку от крестьян и новгородских посадских людей. Столкнувшись с волнениями в новгородских ямских слободах, грозившими нарушить нормальное сообщение на дорогах от Москвы к Новгороду, Пскову и Балтийскому морю, правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки, выдав из государственных житниц обнищавшим охотникам хлебное жалованье. Новая раздача «государева жалования» ямским охотникам была предпринята летом 1602 г., когда ожидалось прибытие в Россию датского королевича Иоганна. «Чтобы они (ямские охотники.— В. К.) не разбежались и твоему бы государеву посольскому делу в том мотчанья не было», — так объяснял в отписке в Москву свои действия новгородский воевода князь В. Буйносов-Ростовский. Стремясь предотвратить опасность открытых крестьянских выступлений, Борис Годунов направил в Новгород, Псков и Ивангород из Москвы специальных лиц «бедным людям давать хлеб и деньги»³⁰. Царская подачка ослабила напряженность, но лишь на короткое время. В начале 1603 г. в связи со сбором подвод и продуктов питания для датских послов начались волнения крестьян сел и деревень, расположенных вдоль московской дороги. Много крестьянских челобитных поступило в Москву с жалобами на притеснения, чинимые со стороны подводных сборщиков, вымогавших у крестьян взятки и допускавших различные злоупотребления. Крестьяне отказывались выполнять государственные повинности по ямской гоньбе и вступали в ряде мест в вооруженные столкновения с представителями государственной администрации. Так, крестьяне Забродской волости «подвод

²⁹ В. И. Корещук. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. Журнал «История СССР», 1957, № 1, стр. 161—191.

³⁰ РИБ. Т. XXII, стб. 374—435; ЦГАДА, ф. Сношения России с Данией, 1602 г., д. 1, л. 43; Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. XI, кн. III, СПб, 1843, прим. 170.

и корму и прогонов правити на себе не дали», а самих подводных сборщиков «били до полусмерти и покинули замертва»³¹.

Неспокойно было и в других районах страны. Монахи Кирилло-Белозерского монастыря писали осенью 1602 г. в Москву о том, что на Белозере «живут бои до смерти и по дорогам грабежи». В Арзамасском уезде вынужден был покинуть в 1602 г. «от воровства» свое поместье И. Романов³². «Бранями великими» сопровождался земельный спор, происходивший в 1602—1603 гг. между крестьянами дворцовой Комарицкой волости и властями Ново-Печерского свинского монастыря. Крестьяне перепахивали монастырские межи и уничтожали знаки феодальной собственности («портили грани») ³³. Недовольство охватило также крестьян дворцовой Кушалинской вотчины, расположенной в Тверском уезде. Здесь в 1602 г. были сосланы по «государевой опале» «в Сибирь на житье» четверо крестьян, а их имущество конфисковано в пользу царя ³⁴.

Активное участие в развернувшемся в 1601—1603 гг. антифеодальном движении в России приняли монастырские крестьяне. Летом 1602 г. имели место случаи покушения на собственность вотчин Иосифо-Волоколамского монастыря. Голодавшие крестьяне крали рожь и вторгались в заповедные леса, в которых они «золу жгли и лес секли насильством»³⁵. Указание на какие-то волнения в монастырской вотчине имеется в приходной книге 1603—1604 гг. Болдино-Дорогобужского монастыря. 1 мая 1604 г. в книге было записано: «Привез с Москвы келарь старец Серапион четыре рубли шесть алтын две деньги что взято и из Разбойной и избы Усцовского разбою вытей» (разрядка наша.—В. К.)³⁶. По-видимому, деньги, привезенные келарем Серапионом из Разбойной избы, были не чем иным, как компенсацией монастырю за понесенный от «разбойников» ущерб. Есть и прямые указания на покушения со стороны крестьян осенью 1603 г. на бортные уголья Болдино-Дорогобужского монастыря. Так, 9 октября 1603 г. были взяты «монастырские пени» в размере двух рублей с крестьянина Максима из деревни Вязкого за то, что «он монастырской дуб посек и пчелы выдрал»³⁷.

Классовые столкновения происходили в вотчинах московского Новодевичьего монастыря. Весной 1603 г. этот монастырь, являвшийся одним из крупнейших землевладельцев Русского государства, был подвергнут государственной ревизии («счоту»). «Считала» монастырь специальная комиссия компетентного состава. В нее входили бояре, князя Василий Иванович Шуйский и Андрей Андреевич Телятевский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря Кирилл и дьяк Богдан Власьев. В процессе работы комиссии монастырские села, расположенные в Оболенском уезде (недалеке от Калуги), были отписаны от монастыря и из них была удалена монастырская администрация. Вплоть до лета 1604 г., когда в этих селах вновь появились монастырские приказчики, ими ведал «государев посланник», сын боярский Иван Свитин, присланный из Москвы от бояр

³¹ РИБ. Т. XXII, стб. 732; см. также стб. 678—681, 687, 689, 691—693, 703—704, 723—724 и др.

³² «Акты Археографической экспедиции». Т. II. СПб. 1836, стр. 72; М. О. Скрипиль. Повесть об Улиании Осорьпной. «Труды отдела древнерусской литературы». Т. VI. М. 1948, стр. 320; С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 220.

³³ ЦГАДА, ф. Грамот коллегии экономии, Брянский уезд, № 447.

³⁴ Там же, ф. Приказные дела старых лет, 1599 г., д. 1, л. 7. О широких размерах при Борисе Годунове опал, направленных против народных масс, свидетельствует царская грамота от 4 февраля 1604 г. в Тарский город, разрешавшая конному казаку Константину Пангелееву постричься в монахи лишь в том случае, если «сослан будет он в Сибирь не в нашей опале» (разрядка наша.—В. К.); П. Любомиров. Новые материалы для истории Смутного времени. «Ученые записки» Саратовского государственного университета. Т. V. Вып. 2. 1926, стр. 102.

³⁵ ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, прих-расх. кн. № 12, лл. 49—50.

³⁶ «Акты, относящиеся до юридического быта древней России». Т. II, стб. 280.

³⁷ Там же, стб. 271.

В. И. Шуйского и А. А. Телятевского. Выполняя распоряжение бояр («по боярскому приговору»), он «оброчных крестьян поворотил в пашню, а велел оброчным платить в монастырь денежный оброк с пашенными ровно: по одиннадцати алтын с выти и по четыре деньги. А пашню пахать на монастырь десятины и сено косить велел с пашенными ж крестьяны ровно»³⁸. Летом 1604 г. приказчики не смогли собрать оброков с крестьян в монастырских селах, расположенных в Оболенском уезде. В Москве они сообщили монастырским властям о крайнем обнищании крестьян и о том, что попытка сбора оброков в этих условиях может привести лишь к крестьянским побегам³⁹.

Вскоре в монастыре появились представители крестьян «изо всех Оболенских сел». Они обратились к монастырским властям с челобитьем, в заключительных словах которого звучала открытая угроза бегства из монастырской вотчины в случае отклонения крестьянских требований. Эта угроза в приходной книге передана следующим образом: «И им стало невозможно — только их игуменья и келарь не пожалуют, денежных доходов отдать не велют — и им всем разбрестись розно»⁴⁰.

Привлекает внимание то место челобитья, где говорится о том, что «крестьяне в Оболенских селах от разбойников разорены, а иные (крестьяне.— В. К.) в разбойных вытех по язычным молкам на правеже замучены». Это место крестьянского челобитья свидетельствует, на наш взгляд, о серьезной вспышке классовой борьбы в Оболенских вотчинах Новодевичьего монастыря. Причем в обстановке голода социальные противоречия накалились до такой степени, что бедные, «охудавшие» крестьяне поднимались не только против феодалов, но и против зажиточных крестьян. Только так можно расценить указание документа на то, что одни из оболенских крестьян были разорены «разбойниками» (так назывались в официальных источниках участники движения Хлопка — восставшие крестьяне и холопы), а другие подверглись карательным действиям со стороны органов государственной власти и были замучены на правежах.

Массовый характер антифеодального движения ярко выступает из разрядной записи о посылках дворян «за разбойники» во Владимир, Волоколамск, Вязьму, Можайск, Медынь, Ржев и Коломну⁴¹. Исследователи относят эти посылки к 1603 г.⁴², однако их можно датировать более точно. Уже тот факт, что известия об этих посылках находятся среди разрядных записей за «111 год», говорит о том, что они имели место в промежуток времени от 1 сентября 1602 до 1 сентября 1603 года. В дошедших до нас списках разрядных книг вслед за записью о посылках дворян «за разбойники» помещено известие о производстве 21 июля 1603 г. смотра правительственных войск, расположенных «на украине» в Мценске, Новосиле и Орле⁴³. Сам по себе этот факт не может служить бесспорным основанием для датировки посылок дворян «за разбойники» временем до 21 июля 1603 года. В частные списки разрядных книг это известие могло быть включено из государева разряда механически, с нарушением хронологической последовательности событий. Более основательные выводы позволяет сделать упоминание среди дворян, посланных «за разбойники», Ми-

³⁸ Архив музея Новодевичьего монастыря, приходная книга 1603—1604 гг., лл. 143 об.—144.

³⁹ Там же, л. 154.

⁴⁰ Там же, лл. 154—154 об.

⁴¹ ГБЛ. Собрание Горского № 16, лл. 633—633 об.; ГИМ. Собрание Шукина № 496, л. 1172; ЦГАДА, ф. Оболенского, д. 86, л. 279 об. Полный текст разряда о посылках дворян «за разбойники» опубликован И. И. Смирновым по рукописи Яковлевской разрядной книги, хранящейся в рукописном собрании научной библиотеки Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова. (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 78.)

⁴² Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 92; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 78.

⁴³ ГБЛ. Собрание Горского № 16, л. 633 об.

хаила Борисовича Шеина⁴⁴, являвшегося одним из видных русских воевод. Поэтому о его назначениях и местнических спорах довольно часто говорится в разрядах. Обращаясь к разрядным записям за 1603 г., мы находим М. Б. Шеина среди воевод, которым 10 марта 1603 г. Борис Годунов велел служить «на украине по полкам». М. Б. Шеин был назначен первым воеводой передового полка в Новосиле⁴⁵. О том, что это назначение не осталось на бумаге, свидетельствует местнический спор между М. Б. Шеиным и князем Иваном Курлятевым, проигранный последним⁴⁶. 21 июля 1603 г. в Новосиль к М. Б. Шеину для смотра правительственных войск был направлен царем стольник князь Данила Иванович Мезецкий⁴⁷. Большие воеводы с береговой службы были отпущены лишь 17 октября 1603 года⁴⁸. Следовательно, с 10 марта по 17 октября 1603 г. М. Б. Шеин находился «на украине», и его посылка в Волоколамск «за разбойники» могла состояться в промежуток времени от 1 сентября 1602 до 10 марта 1603 года.

Вышеуказанное позволяет высказать предположение о сводном характере рассматриваемой разрядной записи, объединяющей в себе целый ряд посылок дворян «за разбойники» за время с осени 1602 по лето 1603 года. Оно подтверждается и указанием «Нового летописца» на то, что Борис Годунов «посылаша многи ж да (разрядка наша. — В. К.) на них (разбойников. — В. К.)... и ничево им можаху сотворити».

В дальнейшем «Новый летописец» рассказывает о решении царя созвать боярскую думу с тем, чтобы изыскать более эффективные средства для борьбы с «разбоями»: «Царь же Борис, слышав, яко ничто им не зделати, прискорбен бысть зело и призва к себе бояр и возвести им и думаше с ними, како бы тех разбойников переимати»⁴⁹. По-видимому, в связи с этим заседанием и была составлена в Разрядном приказе сводная запись, ставящая членов боярской думы в известность («возвести им») относительно тех попыток подавить движение «разбойников», которые предпринимались Борисом Годуновым прежде. Практика работы боярской думы знает исторические справки. Именно такой характер имел доклад руководства Поместного приказа о ходе закрепощения крестьян в конце XVI—начале XVII в., помещенный во вступительной части уложения Василия Шуйского 9 марта 1607 года⁵⁰.

Запись говорит о посылке дворян для борьбы с «разбойниками» в уезды, расположенные вблизи от Москвы. Можно ли из этого заключить о локализации движения в центре и о спокойствии на «украинах»? Думается, что нет. Рассматриваемая запись отнюдь не дает исчерпывающего представления о районе распространения крестьянских и холопских восстаний. Она свидетельствует лишь о крайних затруднениях правительства, которое думало тогда о ликвидации опасности в непосредственной близости от столицы и не имело возможности послать карательные экспедиции в более отдаленные уезды. По словам «Нового летописца», «бысть в то же время умножишася разбойство в земле Русстей, не токмо что по пустым местом проезду не бысть, ино и под Московю быша разбой велицы»⁵¹. Под «пустыми местами» в России XVI—начала XVII в. понимались прежде всего «украины». Автор «Нового летописца» как бы хотел сказать: чего уже говорить об «украинах», когда «разбой велицы» совершались под самую

⁴⁴ «На Волон на Ламской Михайла Борисовича Шеина, да Олексея Иванова сына Безобразова».

⁴⁵ ГБЛ. Собрание Горского № 16, л. 629.

⁴⁶ Там же, л. 629 об.

⁴⁷ Там же, л. 633 об.

⁴⁸ Там же, л. 637 об.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 58.

⁵⁰ И. И. Смирнов в Новый список уложения 9 марта 1607 г. «Исторический архив». Т. IV. 1949, стр. 82.

⁵¹ ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 58.

Москвой! Лишь ликвидировав движение под Москвой, правительство смогло послать дворян «за разбойники» и на «украины», в Пронск и Рязань. В создавшейся же обстановке, когда пламя крестьянских и холопских восстаний приближалось к воротам столицы, правительство чувствовало себя неуверенно. Роспись объезжих голов в Москве, составленная 14 мая 1603 г., сохранила известия о последующих посылках дворян на заставы⁵². Объезжие головы из числа видных бояр, дворян и дьяков были призваны обеспечивать спокойствие внутри города, а дворяне, посланные на заставы, должны были следить за тем, чтобы не прервались связи столицы с другими районами страны. К лету 1603 г. антифеодальное движение крестьян и холопов уже не ограничивалось окраинами. Оно охватило центральные уезды, расположенные вокруг столицы. Москва оказалась как бы на осадном положении. В это время появляется вождь, имя которого становится знаменем восстания: «У них же у воровских людей старейшина в разбойниках именем Хлопа»⁵³ (в другом месте Хлопка. — В. К.).

Восстание Хлопка изучено в исторической литературе очень слабо. И это произошло совсем не потому, что им не интересовались историки. Наоборот, начиная с М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина трудно назвать такой общий курс или специальную работу, посвященные социально-политической истории России начала XVII в., где бы не упоминалось о Хлопке⁵⁴. Большое внимание восстанию Хлопка уделено и в советской исторической литературе⁵⁵.

Причина слабой изученности восстания Хлопка заключается в малочисленности находящихся в руках исследователей документальных материалов. Единственный в своем роде рассказ о восстании Хлопка сохранился в составе «Нового летописца», где он занимает специальную, 84-ю главу «О разбойничех и о посылке на разбойники». Как показал Л. В. Черепнин, «Новый летописец» возник в конце 20 — начале 30-х годов XVII столетия при дворе патриарха Филарета, причем его составителям были доступны архивы Посольского и других приказов⁵⁶. Авторы «Нового летописца» на основании использования разрядных записей и других правительственных документов могли нарисовать довольно точную картину восстания. Недостатком изложения «Нового летописца» является отсутствие в нем хронологии восстания. Лишь помещение рассказа сразу же вслед за известием о смерти сестры Бориса Годунова — бывшей царицы Ирины Федоровны (старшцы Александры), последовавшей

⁵² «В Белом же городе от Неглинные реки до Покровские улицы окольному Якову Михайловичу Годунову да князю Василью княж Григорьеву сыну Щегинину Ерославскому, и князь Василья послали на заставу, а на ево место ездил Васильей Колединский, и Василья послали на заставу (разрядка наша.— В. К.), и на ево место ездил князь Дмитрий Ворятинский да Григорей Давыдов, да дьяк Павел Матюшкин» (ГБЛ. Собрание Горского № 16, л. 631 об.).

⁵³ ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 58.

⁵⁴ «История Российская». Сочинения князя М. М. Щербатова. Т. VII, ч. 1. СПб. 1904, стб. 197—199; Н. М. Карамзин. Указ. соч. Т. XI, кн. III, стб. 70; А. Краевский. Царь Борис Федорович Годунов. СПб. 1836, стр. 71; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. VIII, кн. II, стб. 742; С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М. 1937, стр. 194; ег о же. Борис Годунов. Пг. 1921, стр. 143. О восстании Хлопка ничего не сказано в «Курсе русской истории» В. О. Ключевского, у которого это движение никак не укладывалось в предложенную им схему развития «смуты» (В. О. Ключевский. Сочинения. Т. III, М. 1957).

⁵⁵ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 142; П. П. Смирнов. Указ. соч. Т. 1, стр. 368; Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 92; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 71—83; «История Москвы». Т. 1, стр. 289; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.», стр. 492; А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 98.

⁵⁶ Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в. «Исторические записки». Т. 14. 1945, стр. 92, 96.

26 сентября 1603 г.⁵⁷, указывает на то, что некоторые события, связанные с движением Хлопка, имели место осенью 1603 года.

Ряд интересных подробностей, дополняющих повествование «Нового летописца», содержится в записках современника голландца И. Массы⁵⁸.

Записи «Нового летописца» и И. Массы при всей их ценности требуют проверки показаниями других документов. Историки стремились расширить узкий круг источников по восстанию Хлопка. Значительную работу в этом отношении проделала Е. Н. Кушева. Указав на упоминание имени И. Ф. Басманова в рукописных разрядных книгах 14 апреля 1603 г. и на заявление 3 июля 1604 г. его кабалного холопа при оформлении новой служилой кабалы на имя новгородского помещика М. И. Кропоткина о том, что «Ивана (Басманова.—В. К.) деи убилы разбойники», Е. Н. Кушева показала достоверность известия И. Массы о гибели И. Ф. Басманова в сентябре 1603 года⁵⁹. Тем самым была отвергнута предложенная И. И. Смирновым в его рецензии на первый том учебника «История СССР» для высших учебных заведений (1-е издание) датировка восстания Хлопка 1602 г., основанная на неточной вставке в текст Валуевской разрядной книги⁶⁰. Е. Н. Кушева отметила большой размах и ярко выраженный социальный характер движения, еще не связанного с именем Дмитрия.

Наиболее полно использовал материалы о восстании Хлопка И. И. Смирнов в своем исследовании, посвященном восстанию И. И. Болотникова. Он правильно указал на «Новый летописец» как на главный источник для изучения движения Хлопка. Относя это восстание к «предвестникам» крестьянской войны, И. И. Смирнов вместе с тем характеризовал его как «движение очень большой силы», которое «таило в себе реальную угрозу для самых основ социального строя Русского государства»⁶¹. Недостаток источников не позволил И. И. Смирнову рассмотреть восстание Хлопка в связи с породившим его широким антифеодальным движением крестьян и холопов, охватившим страну в голодные 1601—1603 годы. Он лишь предполагал возможность участия крестьян в этом восстании, определяя его как восстание холопов. Неправомерно было и ограничение И. И. Смирновым движения центральными районами Русского государства.

Говоря о плодотворных усилиях советских историков в привлечении и анализе новых материалов, относящихся к восстанию Хлопка, нельзя пройти и мимо случая, когда в освещении этого движения была допущена фактическая ошибка. Мы имеем в виду раздел из «Истории Москвы», написанный В. Д. Королюком, где сражение, в котором был убит И. Ф. Басманов, изображается как победа восставших. Эта неверная версия внесена В. Д. Королюком и в «Очерки истории СССР»⁶².

⁵⁷ ГБЛ. Собрание Горского № 16, л. 637.

⁵⁸ И. Масса датирует восстание сентябрем 1603 г. и говорит о его участниках как о «холопах» (*lyfeygene knechten*). Записки И. Массы, основывавшегося на слухах, носят частный характер и имеют второстепенное значение по сравнению с рассказом «Нового летописца». И. Масса не представлял себе ни масштабов, ни остроты происходившей борьбы. Он сообщает лишь о «разбоях» на дорогах в Польшу и Ливонию, тогда как разряды и «Новый летописец» свидетельствуют о несравненно большем размахе движения. По словам И. Массы, с И. Ф. Басмановым была послана «примерно сотня лучших стрельцов», в то время как «Новый летописец» сообщает о решении боярской думы послать против восставших «со мною ратью воевод». Указание И. Массы на холопов не исчерпывает состава «разбойников», в число которых, как мы имели возможность убедиться на примере Оболенской вотчины Новодевичьего монастыря, входили и крестьяне (И. М а с с а. Указ. соч., стр. 71).

⁵⁹ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 91.

⁶⁰ «Исторический журнал», 1940, № 4—5, стр. 137.

⁶¹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 77, 80. В 1934 г. в статье «Феодально-крепостническое общество» И. И. Смирнов писал о крестьянской войне в России «конца XVI и начала XVII в.» («Известия ГАИМК». Вып. 99, 1934, стр. 117).

⁶² «История Москвы». Т. 1, стр. 289; «Очерки истории СССР. Период феодализм». Конец XV в.—начало XVII в., стр. 492. Отмеченная ошибка повторена А. А. Зиминим

С. С. Лурье обратил внимание на эту неточность в освещении восстания Хлопка⁶³. Одновременно им предложена новая датировка движения, относящаяся к 1604 году⁶⁴. Если указание С. С. Лурье на ошибочность мнения о разгромах восставшими отряда И. Ф. Басманова следует признать правильным, то его попытка датировать движение Хлопка 1604 г. вызывает решительные возражения. Вопрос о датировке имеет столь важное значение, что на нем необходимо остановиться подробнее. Дату восстания Хлопка возможно установить путем определения времени решающего сражения под Москвой, в ходе которого был убит окольный И. Ф. Басманов, стоявший во главе правительственных войск. Предлагая датировать восстание Хлопка 1604 г., С. С. Лурье основывается на «Списке погребенных в Троице-Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 года», составленном иеромонахом Гедеоном Вирховым и изданном в 1880 г. в Москве. Там на стр. 13 под № 9 сказано: «Иван Федорович Басманов, окольный, убит под Москвой 1604 г. в сражении с атаманом разбойников Хлопком, и по повелению царя Бориса Годунова с честью погребен в Лавре». С. С. Лурье, натолкнувшись на это известие, не проверил степень достоверности и происхождение этого примечания. «Мне кажется,— пишет С. С. Лурье,— что дате Гедеоном Вирховым, проведенного 35 лет в Лавре и, как видно из его биографии, соприкасавшегося по роду своей деятельности (он был помощником ризничего Лавры) со всеми архивными документами Троице-Сергиевой Лавры, доверять можно»⁶⁵. Подобную аргументацию нельзя признать убедительной. Тем более, что Гедеоном Вирхову в его исторических разысканиях доверять как раз и не следует⁶⁶.

в разделе нового вузовского учебника «История СССР» (Т. 1, стр. 282) и в дискуссионной статье («Вопросы истории», 1958, № 3, стр. 98).

⁶³ С. С. Лурье. К вопросу о восстании Хлопка. «История СССР», 1958, № 4, стр. 131—132.

⁶⁴ И. С. Шепелев в своем выступлении по докладу И. И. Смирнова также датирует 1604 г. восстание Хлопка («Вопросы истории», 1958, № 12, стр. 207).

⁶⁵ С. С. Лурье. Указ. соч., стр. 132.

⁶⁶ Об этом свидетельствует примечание, которым Г. Вирхов сопроводил надгробную надпись о смерти 3 мая 1607 г. князя Бориса Петровича Татеева, также похороненного в Троице-Сергиевом монастыре (А. В. Горский. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевыя лавры. Ч. 2. М. 1890. Приложения, стр. 102). Г. Вирхов пишет, что Б. П. Татев был убит «в борьбе с мятежниками, предводимыми князем А. А. Телятевским, на берегах реки Пахры 1 мая 1607 года» (Г. Вирхов. Указ. соч., стр. 30). Битва на Пахре произошла осенью 1606 г. (приблизительно в конце сентября), когда И. И. Болотников двигался на Москву (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 192). Из разрядов же известно, что Б. П. Татев был одним из трех царских воевод, войска которых были разбиты восставшими во главе с А. А. Телятевским в битве у села Пчельни. Б. П. Татев погиб в этом сражении: «Сошлись воеводы с казаки в селе Пчельни, и государевых воевод воровские люди побили многих, а иных живых поимали, а князя Бориса (Татеева.— В. К.) убили (разрядка наша.— В. К.)» (С. А. Белокуров. Разрядные записки за Смутное время. М. 1907, стр. 157).

Историки давно пытались определить дату сражения под селом Пчельней. И. И. Смирнов относил выступление войск восставших из Тулы к 13 мая 1607 г., основываясь на одной из редакций записок К. Буссова, приводя в то же время и известие другой редакции, напечатанной Устряловым, о начале этого похода 1 мая 1607 года (И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 388 и прим. 2.). А. А. Зимин на основании исследования материалов расходной книги денежного стола Разрядного приказа, обнаруженной в ЦГАДА Р. Г. Королевой, датировал битву у Пчельни промежуток с 1 по 5 мая 1607 года (А. А. Зимин, Р. Г. Королева. Документ Разрядного приказа. «Исторический архив». 1953, Т. VIII, стр. 26). Надпись на надгробии Б. П. Татеева позволяет совершенно точно датировать одно из наиболее важных сражений восстания И. И. Болотникова: битва у Пчельни произошла 3 мая 1607 г., что находится в полном соответствии с показаниями других источников. Примечание же Г. Вирхова лишь запутывает дело, и историк, попытавшийся отдать ему предпочтение, игнорируя первоисточники, оказался бы, по крайней мере, в странном положении. Г. Вирхов не делает ссылок на документы, послужившие ему материалом для составления примечания о князе Б. П. Татееве. Но надо думать, что источником для этого явились неправильно понятое известие К. Буссова в издании Устрялова (о выступлении войск восставших из Тулы 1 мая 1607 г.) и собственная фантазия Г. Вирхова (отнесение места сражения на берега р. Пахры).

К середине XVII в., когда составлялся список надгробий Троице-Сергиева монастыря, дата смерти на надгробии И. Ф. Басманова уже стерлась; остались только фамилия, имя и отчество убитого окольничего, поэтому монахи записали: «Иван Федорович Басманов, летописи не з н а т ь (разрядка наша.— В. К.)»⁶⁷. В. Ундольский ограничивается лишь воспроизведением этой записи⁶⁸, однако архимандрит Леонид в своем издании сопровождает запись примечанием, что Ивана Федоровича Басманова в 1604 г. убили «разбойники»⁶⁹, ссылаясь при этом на Шереметевский послужной список, в котором под (7) «112-м годом» читаем: «Иван Федорович Басманов, убили разбойники»⁷⁰. Таким образом устанавливается происхождение датировки гибели И. Ф. Басманова 1604 годом. В ее основе лежит ошибка в переводе летоисчисления XVII в. на современное. Вместо того чтобы вычест «5509» и «5508», архимандрит Леонид вычел лишь «5508» и получил не 1603—1604 сентябрьский год, а просто 1604 год. Аналогичную ошибку совершил и Г. Вирхов, пользовавшийся Шереметевским списком или каким-либо другим источником, относящим смерть И. Ф. Басманова к 7112 году. Другим источником для составления примечания Г. Вирхову послужил «Новый летоисец», известие которого о похоронах И. Ф. Басманова («воеводу же Ивана Басманова повеле царь Борис погresti честно у Троицы в Сергиеве монастыре») он чуть ли не дословно пересказал в своем примечании.

Разряда о походе И. Ф. Басманова против Хлопка в известных до настоящего времени частных списках разрядных книг не сохранилось. Однако в прошлом такой «государев разряд» был составлен, о чем свидетельствуют вставка в Валуевскую разрядную книгу и запись в Шереметевском послужном списке. Очевидно, переписчик Валуевской разрядной книги и составитель Шереметевского послужного списка располагали какими-то дополнительными, не дошедшими до нас материалами о походе И. Ф. Басманова, восходящими к этому «государеву разряду». Датировка гибели И. Ф. Басманова Шереметевским послужным списком «112-м годом» не противоречит известию И. Массы: если И. Ф. Басманов был убит в сентябре 1603 г., то по летоисчислению, принятому в России XVII в., это и произошло в «112-м году».

Последний раз И. Ф. Басманов упоминается в разрядных книгах 14 мая 1603 г. в числе московских объезжих голов, когда ему было поручено осуществлять полицейский надзор в Деревянном городе от Москвы-реки до Никитских ворот⁷¹. Имя И. Ф. Басманова, исчезнув из разрядов, появляется в синодиках Троице-Сергиева монастыря среди умерших и погребенных в этом монастыре в «112-м году». Причем И. Ф. Басманов записан в синодике под «112-м годом» одним из первых (по краткой редакции синодика, вторым после келаря Троице-Сергиева монастыря Евстафия Головкина, а по пространной — третьим⁷²). Евстафий Головкин умер 8 сентября 1603 г.⁷³; отсюда можно заключить, что смерть И. Ф. Басманова произошла вскоре после этого дня. Среди лиц, записанных в синодике под «112-м годом» после И. Ф. Басманова, нам удалось точно датировать смерть окольничего князя Андрея Ивановича Хворостинина, последовавшую 24 апреля 1604 года⁷⁴. Но при этом надо иметь в виду, что в краткой редакции синодика между ним и И. Ф. Басмановым записаны двое:

⁶⁷ А. В. Горский. Указ. соч., ч. 2. Приложения, стр. 98.

⁶⁸ В. Ундольский. Список надгробий Троице-Сергиева монастыря, составленный в XVII в. «Чтения ОИДР», 1846, кн. 1, стр. 34.

⁶⁹ А. В. Горский. Указ. соч., ч. 2. Приложения, стр. 98.

⁷⁰ «Древняя российская вивлиофика». Т. XX. М. 1791, стр. 73.

⁷¹ ГБЛ. Собрание Горского № 16, л. 632.

⁷² «Инока Еустафия (наверху надпись красной киноварью: Келарь Троецкий), Екатерину (Истомина жена Безобразова), Иоанна (Федорович Басманов)» (ГБЛ. Собрание Троице-Сергиевой лавры № 41, л. 28 об.; № 42, л. 30).

⁷³ А. В. Горский. Указ. соч., ч. 2, стр. 115.

⁷⁴ Там же, стр. 101.

инок Ферапонт, по прозвищу Гнус, и княгиня Бахтеярова-Ростовская, в иночестве Афанасия, а по пространной редакции — 13 имен.

Из другого синодика узнаем, что корм в XVII в. по роду Басмановых был приурочен к 9 сентября⁷⁵. Сопоставляя это известие с «Новым летописцем», сообщающим о повелении Бориса Годунова погresti И. Ф. Басманова в Троице-Сергиевом монастыре «честно», что предполагало по нравам того времени не только торжественные похороны, но и установление на будущее в монастыре кормов и поминаний об убитом на царской службе воеводе, а также принимая во внимание факт помещения И. Ф. Басманова в синодиках сразу же вслед за умершим 8 сентября 1603 г. келарем Евстафием Головкиным, мы пришли к выводу о том, что гибель И. Ф. Басманова в сражении с Хлопком следует отнести к 9 сентября 1603 года. Эта дата согласуется и с другими источниками. У И. Массы рассказ о восстании холопов и о походе И. Ф. Басманова помещен между сообщениями о приезде в Москву персидского посла Лачин-бека 4 сентября 1603 г.⁷⁶ и похоронах 27 сентября царицы Александры, сестры Бориса Годунова Ирины Федоровны⁷⁷. Как видно из «Нового летописца», после разгрома Хлопка под Москвой начались расправы и на «украинах». В разрядных книгах имеется запись о посылке 17 сентября 1603 г. из Москвы «для разбойников» князя Мирона Михайловича Шаховского и князя Богдана Андреевича Борятинского «на Рязань», Якова Яковлевича Вельяминова и Ивана Ивановича Вольнского в Пронск⁷⁸. Карательная экспедиция в Пронск и Рязань продолжалась до конца октября 1603 года. Заместничавших И. И. Вольнского и Я. Я. Вельяминова 30 октября 1603 г. судили на Москве боярин князь Н. М. Трубецкой и дьяк Тимофей Витовтов. Посылать дворян из Москвы «для разбойников» на окраины тогда, когда отряды Хлопка угрожали столице, было неразумно. Следовательно, и эта разрядная запись указывает на то, что к 17 сентября с отрядами восставших под Москвой уже покончили.

Установление даты решающего сражения под Москвой помогает уточнить и время заседания боярской думы, приговорившей послать против «разбойников» «со мноюю ратью воевод». 16 августа 1603 г. был принят известный указ о холопах по приговору царя и его сына совместно «со всеми бояры»⁷⁹. Таким образом, принятие этого важного указа произошло на заседании боярской думы. Согласно же «Новому летописцу», вопрос о посылке войск против «разбойников» также подлежал обсуждению бояр. Не имеем ли мы здесь дело с одним заседанием боярской думы, на котором были разработаны как законодательные, так и военные меры, направленные на скорейшее подавление восстания? Из рассказа «Нового летописца» следует, что вопрос о посылке И. Ф. Басманова на самом заседании боярской думы не обсуждался. Там было принято общее решение о необходимости послать против «разбойников» значительные военные силы. За этим постановлением последовало уже конкретное распоряжение Бориса Годунова о назначении И. Ф. Басманова. Подготовка к походу также должна была занять некоторое время, так что отнесение заседания боярской думы, о котором сообщает «Новый летописец», к 16 августа 1603 г. представляется весьма вероятным.

Еще осенью 1601 г. Борис Годунов ответил на поднимавшееся в народе «волнение велие» изданием законов о крестьянах и о хлебных ценах и посылкой карательных военных экспедиций на окраины Русского государства. В дальнейшем, с ростом антифеодального движения, увеличивался и размах правительственных мероприятий, направленных на его

⁷⁵ ГБЛ. Собрание Троице-Сергиевой лавры № 814, л. 21 об.

⁷⁶ Персидский посол прибыл в Москву 28 августа 1603 г., а 4 сентября состоялся первый прием его у царя (ГБЛ. Собрание Горского № 16, лл. 635, 636).

⁷⁷ И. М а с с а. Указ. соч., стр. 71—72.

⁷⁸ ГБЛ. Собрание Горского № 86, лл. 637 об.— 638.

⁷⁹ «Памятники русского права» (ПРП). Вып. IV. М. 1956, стр. 375.

подавление. Изданный 16 августа 1603 г. закон о холопах находился в неразрывной связи с посылкой против Хлопка отряда И. Ф. Басманова. И. И. Смирнов полагает, что правительство Бориса Годунова, потерпев крах в своей политике по крестьянскому вопросу, в том числе и с изданием указа о холопах от 16 августа 1603 г., обратилось затем к военным средствам подавления восстания⁸⁰. На наш взгляд, правительственная политика носила более сложный и гибкий характер. Правительство, столкнувшись с восстанием, угрожавшим столице, пустило в ход и социальную демагогию и силу оружия. Закон о холопах и посылка войск против Хлопка — это две стороны правительственной политики, принесшей Борису Годунову победу.

Обратимся к содержанию указа от 16 августа 1603 года. Он предлагал господам выдавать отпускные тем холопам, которых они прогоняли от себя, не желая кормить их в тяжелые голодные годы. В случае если господа отказывались предоставить прогнанным холопам отпускные, эти документы выдавались в Москве в приказе Холопьяго суда против воли господ. Особенно важна для понимания указа его заключительная часть, в которой говорится о выдаче отпускных холопам, явившимся из других городов бить челом в приказе Холопьяго суда на своих господ, нарушивших предписания закона. Холопам-челобитчикам выдавались отпускные даже тогда, когда «государей их на Москве нет». Это означало, что для получения отпускной в Москве в приказе Холопьяго суда достаточно было заявления пришедшего туда холопа, которое принималось на веру. Чтобы как можно большее количество холопов могло воспользоваться этим правом, предусматривалось широкое оглашение закона по всей стране: «Да и по городех про тех холопей велети кликати не по один день, чтоб те боярские и всяких людей холопи, для отпускных, приходили в приказ Холопьяго суда» (разрядка наша.— В. К.)⁸¹. Таким образом, указ 1603 г. был адресован не столько к господам, сколько к холопам, которым предоставлялись широкие возможности для получения отпускных. Фактически он содержал призыв ко всем бездомным холопам явиться в Москву в приказ Холопьяго суда и получить там отпускные.

Прогнанных без отпускных холопов никто не принимал. Обреченные на голодную смерть, они должны были представлять одну из наиболее активных сил в отрядах Хлопка. С изданием указа 16 августа 1603 г. им предоставлялась как бы амнистия. Они могли получить отпускные в Москве в приказе Холопьяго суда, но лишь ценой прекращения вооруженной борьбы. Указ 1603 г. характеризует не только политику правительства, но и проливает некоторый свет на те идеи, которые вдохновляли восставших в их движении на Москву. Крестьяне и холопы боролись с оружием в руках за свободу, за полное уничтожение крепостнических отношений. Правительство Бориса Годунова, чувствуя нависшую над господствующим классом угрозу, стремилось изданием указа расколоть движение, пообещав холопам призраки свободы. К аналогичным приемам прибегало впоследствии и правительство Василия Шуйского во время восстания Болотникова.

Подавив восстание Хлопка, Борис Годунов не возобновил указа о крестьянских выходах, разрешенных им в 1601 г., а в 1604 г., по-видимому, отменил и закон о холопах от 16 августа 1603 года. По наблюдениям Е. Н. Кушевой, в новгородских записных кабалных книгах серия отпускных, выданная господами при своей жизни холопам, относится к последним месяцам 1603 и к 1604 году⁸². Это изменение курса политики по крестьянскому вопросу было отмечено В. Н. Татищевым, когда он

⁸⁰ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 80.

⁸¹ ПРП. Вып. IV, стр. 375.

⁸² Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 92.

писал, что Борис Годунов, издав указ 1601 г. о крестьянском выходе, «принужден паки вскоре переменить, и не токмо крестьян, но и холопей невольными зделал»⁸³. Поспешность, с которой Борис Годунов ликвидировал все уступки крестьянам и холопам, вызвала новый взрыв классовой борьбы, осложненной авантюрой Лжедмитрия I. Однако рассмотрение всех этих вопросов выходит за рамки настоящей статьи. В этой связи крайне важно, чтобы в процессе развития дискуссии кто-нибудь из советских историков в специальной работе подверг детальному изучению положение в стране в 1604—1606 гг. и законодательство первого самозванца о крестьянах и холопах.

Малочисленность источников затрудняет социальную характеристику некоторых действий восставших. И. Масса указывает на то, что возмущившиеся холопы грабили путешественников на дорогах в Польшу и Ливонию⁸⁴. Такие грабежи, конечно, совершались, но ими далеко не исчерпывались формы борьбы восставших крестьян и холопов. «Новый летописец» говорит о «настроении и кровопролитии» во всем Русском государстве, находивших выражение в том, что «воры... православных христиан посецаху и грабяху»⁸⁵.

Кто были эти «православные христиане», которых грабили и убивали «воры»? Несколько конкретизировать текст «Нового летописца» помогает одно известие современника-очевидца о классовой борьбе в России во время голода 1601—1603 годов. «И бысть великое, насилие,— писал он,— много богатых дома грабили, и разбивали, и зажигали, и бысть страхование великое, и умножишася неправды. И которые люди насилие творяху, и тех имаху казнище, ових жгли, а иных в воду сажали и всякими смертми кончали их»⁸⁶.

В свете этого сообщения становится понятным, что предметом нападения восставших являлись «богатых дома», то есть феодалов и посадских верхов. В источниках сохранились и отдельные прямые упоминания об убийствах «разбойниками» представителей господствующего класса. Так, в 1616 г. помещик Андрей Тимофеев ссылался в своем челобитье на то, что «при царе Борисе... брата ево родново убили в Ярославле Малом разбойники»⁸⁷. И. И. Смирнов не сомневается в том, что А. Тимофеев под «разбойниками», убившими его брата, имел в виду участников движения Хлопка⁸⁸. В условиях голода восставшие убивали не только феодалов, но и зажиточных крестьян. И. Масса пишет о страхе за свою жизнь и имущество, который испытывали богатые крестьяне, обладавшие большими запасами хлеба⁸⁹. Приведенные выше данные об убийствах крестьянами своих односельчан в Оболенских и Верейских вотчинах Новодевичьего монастыря показывают, насколько основательными были такие опасения.

Мы не находим в источниках каких-либо сведений о том, чтобы к восстанию Хлопка, хотя бы на время, примкнули дворяне. Наоборот, как это видно из разрядных книг, дворянство принимало активное участие в подавлении движения, карательные отряды формировались из числа помещиков. Даже год спустя после разгрома Хлопка нападение «мужиков» Околенской волости осенью 1604 г. на «Орловские места» было отбито находившимися в Орле на годовой службе дворянами и детьми

⁸³ «Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные... В. Н. Татищевым». М. 1768, стр. 125.

⁸⁴ И. Масса. Указ. соч., стр. 71.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 58.

⁸⁶ А. Ф. Бычков. Описание сборников Публичной библиотеки. Ч. 1. СПб. 1882, стр. 486.

⁸⁷ Л. М. Сухотин. Четверткниж Смутного времени. 1604—1617 гг. «Чтение ОИДР», 1912, кн. 2, стр. 229.

⁸⁸ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 78, прим. 2.

⁸⁹ И. Масса. Указ. соч., стр. 61.

боярскими из Мещевского, Козельского и Белевского уездов⁹⁰. Поразительная стойкость и мужество, проявленные восставшими в сражении под Москвой, также могут служить показателем социальной однородности отрядов Хлопка. «Новый летописец» специально отметил то исключительное упорство, с которым сражались «разбойники», встретившись с правительственными войсками («живи бо в руки не давахуся»). Никто из них и не помышлял о переходе на сторону противника, как это делали поздние дворянские полупатки в войсках Болотникова. Холопы и крестьяне знали, что раз дело дошло до сражения, им уже нечего ждать пощады. Царь Борис безжалостно расправился со взятыми в плен участниками восстания Хлопка: он велел их перевешать.

Некоторые дополнительные подробности относительно дальнейшей судьбы руководителей движения, ускользнувшие от внимания исследователей, содержатся, на наш взгляд, в записках Маржерета, современника событий, хорошо информированного. Говоря о напряженном положении в России во время голода и об упорных преследованиях Борисом Годуновым бояр, Маржерет пишет, что царь Борис «во все время своего царствования, до появления Дмитрия в России... не казнил и десяти человек всенародно, кроме некоторых мошенников, пойманных из шайки до 500 человек»⁹¹. Поскольку никаких других крупных выступлений в России, помимо восстания Хлопка, в голодные годы не известно, эти слова Маржерета могут быть отнесены к движению крестьян и холопов, руководимому Хлопком. Если наше предположение правильно, то мы получаем указание, конечно, весьма приблизительное и, вероятнее всего, приуменьшенное, на размеры одного из отрядов восставших, во главе которого стоял, возможно, сам Хлопок. Отряд в 500 человек представлял в то время самостоятельную военную единицу. С таким отрядом перешел позднее под Москвой на сторону В. Шуйского Истома Пашков⁹².

Публичная казнь, очевидно в Москве, руководителей движения показывает, какое большое значение придавал своей победе Борис Годунов. Эта казнь свидетельствует также о том, что выступление Хлопка далеко вышло за пределы местного возмущения и получило отклик в общегосударственном масштабе.

Умолчание источников об участии в восстании Хлопка бояр и детей боярских сочетается с отсутствием в них сведений о связи этого движения с именем Дмитрия, хотя слухи о самозванце получили широкое распространение в России по крайней мере с 1600 года⁹³. Как уже говорилось, наиболее подробный и обстоятельный рассказ о восстании Хлопка находится в составе «Нового летописца». Отличительной же чертой этого публицистического памятника является живой интерес к самозванчеству в России. Составители «Нового летописца» специально задались целью выяснить, как могло случиться, что «боярский человек» и «пашенный мужик» стали претендовать на престол, выдавая себя за «праведный корень»⁹⁴. В соответствии с этим в «Новом летописце» приведены наиболее полные сведения о самозванцах в России в начале XVII в., чем в каком-либо другом памятнике публицистики периода крестьянской войны и польско-шведской интервенции. Л. В. Черепнин отмечает, что массовое явление самозванчества составители «Нового летописца» считали «прямым след-

⁹⁰ С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 238.

⁹¹ Маржерет. Состояние Российской державы и великого княжества Московского. В книге Н. Устрялов. Сказания современников о Дмитрии самозванце. Т. 1. СПб. 1859, стр. 293.

⁹² Вeneвский сотник Истома Пашков был щедро награжден Василием Шуйским за измену. В начале царствования Михаила Федоровича «Федор да Офонасей Истомины дети Пашкова» значились уже в числе московских дворян (ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Московский стол, стб. № 1131, д. 3, л. 59).

⁹³ Маржерет. Указ. соч., стр. 292.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. XIV, ч. 1, стр. 89.

ствием династического кризиса»⁹⁵. Вряд ли возможно предположить, чтобы при такой направленности своей работы составители «Нового летописца» в рассказе о восстании Хлопка пропустили бы известие о самозванчестве, если бы последнее проявилось в этом движении. Ничего не говорит о самозванчестве во время возмущения холопов и жадно ловивший слухи о Дмитриии И. Масса. По-видимому, на том этапе движения самозванческие идеи бродили, как это убедительно показал на примере смоленской «украины» И. А. Голубцов⁹⁶, в среде дворян и детей боярских окрестных уездов и не проникли еще в массы крепостного крестьянства.

Наряду с указанными особенностями между восстаниями Хлопка и Болотникова имелись черты глубокого сходства, частично отмеченные наблюдательным современником. Мы имеем в виду одну из глав «Сказания» Авраамия Палицына, носящую характерное название «О зачале разбойничества во всей России», перекликающуюся с названием главы 84-й «Нового летописца» — «О разбойничех и о посылке на разбойники». В отличие от «Нового летописца» А. Палицын говорит о «разбойничестве», не выделяя специально восстания Хлопка. Он уделяет главное внимание не борьбе холопов, а их ужасному положению во время голода. Однако, сообщив о том, что многие холопы умерли голодной смертью, А. Палицын продолжает: «А иже на конех обыкше к воинскому делу искуени, сии к великому греху уклоняхуся; во грады бо вышереченныя украинныя отхождаху. И аще и не в купе, но боле двадесяти тысящъ сицевых воров обретешся по мнозе времени в осаде в сидении в Колуге и в Туле, кроме тамошних собравшихся старых воров»⁹⁷.

Судя по названию главы, А. Палицын относит начало «разбойничества во всей России» к голодным 1601—1603 годам⁹⁸. Возникнув в голодные годы, «разбойничество» продолжалось, по его мнению, и во время восстания Болотникова, когда представители тех же самых беглых холопов и крестьян сидели в осаде в Калуге и Туле. Итак, для А. Палицына характерно объединение проявлений классовой борьбы во время голода с фактами из истории восстания Болотникова в одно целое как по движущим силам — крестьяне и холопы, так и по масштабам — «разбойничество во всей России». Присматриваясь к району, охваченному антифеодальным движением 1601—1603 гг., кульминационным моментом которого было восстание Хлопка, нельзя не отметить, что в числе других мест оно распространялось и на окрестности Тулы, Калуги, Коломны, Рязани и Пронска, то есть на территорию к югу от Москвы, где впоследствии находились основные опорные пункты восстания Болотникова.

В свете этих данных особый интерес приобретают утверждения местных историков-краеведов Г. М. Пясецкого и Д. О. Святского о том, что Хлопок двинулся на Москву из Комарицкой волости⁹⁹. На юге и юго-востоке страны формировалось военное ядро назревающей крестьянской войны — казачество. Между тем крестьяне и холопы, стремившиеся избежать ужасов голодовки путем бегства на «украины», достигнув этой обетованной земли и здесь оказывались не в лучшем положении. Запись неизвестного почепского жителя не оставляет сомнений в том, какие страдания выпадали на долю «прихожих людей» в северских городах. «Да тое ж зимы III (1603 г.— В. К.) году месяца мая в 2 день,— записал он,—

⁹⁵ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 103.

⁹⁶ И. А. Голубцов. «Измена» смолян при Б. Годунове и «извет» Варлаама. «Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. V. М. 1928, стр. 250—251.

⁹⁷ «Сказание Авраамия Палицына», стр. 108.

⁹⁸ И. Масса также приурочивал начало массовых «разбоев» к голодным 1601—1603 годам (И. Масса. Указ. соч., стр. 62).

⁹⁹ Г. М. Пясецкий. Исторические очерки г. Севска и его уезда. «Сборник Орловского церковного историко-археологического общества». Т. II. Орел. 1906, стр. 23; Д. О. Святский. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орел. 1908, стр. 37.

закопали у божей дом человек со триста. Прихожии люди мерли голодною смертию, мерли и в Почепе на посаде»¹⁰⁰. В условиях массового скопления на окраинах беглых крестьян и холопов, вступавших частично в ряды казаков и получавших оружие, острой нехватки продовольствия, относительной слабости местного государственного аппарата, неспособного подавить в зародыше антифеодалное выступление, скорее всего и могло вспыхнуть восстание Хлопка.

Подведем некоторые итоги. Вспыхнувшее в стране осенью 1601 г. в обстановке голода «волнение велие» в народе, постепенно разрастаясь, приняло в 1603 г. массовый характер. Антифеодалное движение крестьян и холопов охватило тогда не только южные, но и центральные уезды страны. Произошли волнения крестьян в вотчинах Иосифо-Волоколамского, Новодевичьего и Болдино-Дорогобужского монастырей. Многочисленные попытки Бориса Годунова подавить движение путем посылки в различные уезды военных отрядов не дали результатов. Летом 1603 г. возмущившиеся крестьяне и холопы во главе с Хлопком приблизились к Москве. Создалась угроза основам социального строя в России. Вопросами борьбы с движением Хлопка вынуждена была заняться боярская дума. На ее специальном заседании 16 августа 1603 г. был принят важный указ о холопах, призванный внести раскол в ряды восставших, и решено послать против Хлопка «со многою ратью воевод». Во исполнение этого решения 9 сентября 1603 г. царские войска во главе с окольничим И. Ф. Басмановым дали близ Москвы решающее сражение отрядам Хлопка. Восставшие потерпели поражение. Захваченные в плен руководители, очевидно, были публично казнены в Москве. Однако многие из участников движения сумели бежать на окраины и позднее приняли участие в восстании Болотникова.

Проводя различие между восстаниями Болотникова и Хлопка, И. И. Смирнов указывает на несходство «в формах и масштабах, какие имела борьба классов в событиях 1603 г. и 1606—1607 годов», в частности на то, что восставшие холопы «не овладели ни одним политическим и административным центром Русского государства»¹⁰¹. С конкретным выводом И. И. Смирнова о том, что была разница между двумя восстаниями, надо согласиться. Однако при оценке движения Хлопка необходимо рассматривать его не изолированно, а в связи с другими антифеодалными выступлениями крестьян и холопов. Как мы показали в настоящей статье, по своим движущим силам, антифеодалной направленности, арене действия движение Хлопка связано с восстанием Болотникова. Уже в это время определилась основная территория движения, возникла идея похода на Москву, организовалось войско восставших, вступившее в сражение с правительственными войсками. Конечно, при этом надо учитывать, что мы имеем дело с начальным моментом перерастания массового антифеодалного движения в крестьянскую войну, когда все эти явления находились еще в процессе становления. Не следует также преувеличивать организованность, политическую сознательность и централизацию руководства у восставших крестьян. Для крестьянской войны характерны прежде всего стихийность, неорганизованность, раздробленность.

Итак, нам представляется, что движение Хлопка явилось начальным этапом крестьянской войны в России в начале XVII в., кульминационным пунктом которой было восстание под предводительством Болотникова.

¹⁰⁰ ГБЛ. Собрание Лукашевича № 86, л. 373.

¹⁰¹ И. И. Смирнов. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII века, стр. 120—121.